

«Самая срочная задача – восстановление нормальной жизни в России»

Письмо Сиднея Рейли Уинстону Черчиллю,
5 декабря 1919 года¹

Сидней Рейли (1873(?)–1925) – одна из самых колоритных фигур первой четверти XX века, шпион, авантюрист. Сведения о годе и обстоятельствах рождения расходятся, однако, судя по всему, он происходил из еврейской семьи, жившей на юге Российской империи, в Херсонской губернии или в Одессе. Согласно досье ГПУ от 1925 года, получил при рождении имя Зигмунд Розенблюм. Столь же неясны обстоятельства его юности и молодости: связь с европейским революционным и анархистским движением, обвинения в работе на царскую охранку, пребывание в Бразилии, участие в нескольких ограблениях и даже убийствах. В самом конце XIX столетия получил британский паспорт на имя Сиднея Розенблюма (но использовал фамилию Рейли). Работал в британском посольстве в Санкт-Петербурге, согласно некоторым сообщениям, занимался шпионажем во время русско-японской войны. Был известен в столице Российской империи как коллекционер искусства и авиатор-любитель. После 1917 года активно участвовал в антибольшевистской интервенции британских войск и ряде заговоров против советской власти, в том числе в организованном Робертом Локкартом в 1918-м. В 1919-м при-

1 Перевод выполнен по: *The Russian Problem. Churchill Archives Centre. Churchill College, Cambridge. CHAR 16/28/170–189*. В 1919 году Черчилль был военным министром и министром авиации.

АРХИВ «НЗ»

003

нимал участие в Парижской мирной конференции. Позже был замешан в ряде новых антисоветских заговоров. В 1925 году в ходе «Операции “Трест”», организованной ГПУ, Рейли заманили на территорию СССР и после допросов расстреляли². **[Александр Кустарев]**

Пошел уже второй год, как заключено перемирие, а российская проблема не решена, и можно думать, что она только усложнилась. Надежд на ее решение становится все меньше.

Сперва эту проблему считали лишь одним из многих катастрофических последствий войны. Но она постепенно превратилась в самую большую угрозу политической, социальной и экономической стабильности всего мира, и не нужно обладать богатым воображением, чтобы признать, что теперь самая срочная задача – восстановление нормальной жизни в России. К этому более реалистическому представлению о российской проблеме я пришел после целого года участия в российских делах, и оно может послужить стимулом и основой для эффективного однозначного решения российской проблемы.

Применявшиеся до сих пор методы, политические инициативы и меры либо были ошибочными по существу, либо так и не дали ожидавшихся результатов. Пришло время пересмотреть всю проблему в свете информации и опыта, накопленных за истекший год.

Вот главные элементы, с которыми придется иметь дело при решении российской проблемы: большевистское и антибольшевистское движения; приграничные государства, ранее входившие в состав Российской империи; экономическое положение России и, что самое важное, участие Германии.

БОЛЬШЕВИКИ

Подъем демократического идеализма по всему миру как естественная реакция на милитаризм, а также исключительное значение, которое теперь принято приписывать одному общественному классу, мешают правильно понять подлинную суть большевизма. Сегодня даже большинство рабочего класса видит в большевизме то, что умеющие видеть видели всегда – самую страшную в истории форму авторитарной тирании, которую бесцеремонная банда международных авантюристов навязала с помощью безжалостного насилия и террора полудивилизованному народу, чья способность к сопротивлению ослаблена веками рабства и нищеты, а теперь еще военными поражениями

2 Одна из последних биографий Рейли: Cook A. *Ace of Spies: The True Story of Sidney Reilly*. London: Tempus, 2003.

ми и усталостью от войны. Становится все виднее, что российский опыт не может предложить ничего конструктивного, что могло бы найти применение в Европе и Америке. После двух лет господства большевиков в России о них можно, наконец, судить не по их словам, а по их делам и по всеобщему мнению – они потерпели неудачу. Лучшим свидетельством того, какую неудачу они потерпели, может служить то, что они фактически уничтожили рабочий класс, именем которого узурпировали власть. Согласно их собственной статистике, его численность уменьшилась на 75%. Ленин рассчитывал на инертность русского народа как на залог своего успеха. Но случилось так, что эта инерция, особенно характерная для крестьян, составляющих 90% населения, сорвала большевистскую революцию. И Ленин знает, что проиграл. Отсюда – постоянные попытки переговоров о мире с союзниками, с приграничными государствами и национальными армиями³.

Поклонники Ленина в России и вне ее развернули громкую пропаганду, уверяя всех, каким успехом окажется заключение этого мира для России и для остального мира. Доказывать, что заинтересованные и незаинтересованные сторонники такого мира не правы, кажется бессмысленным – настолько это очевидно. Достаточно сказать, что еще один такой мир, как Брестский, даст большевикам передышку для повторной пропагандистской атаки на Европу. Развяжет им руки на востоке, будет означать официальное одобрение большевизма и его методов. А снятие блокады даст экономическое преимущество Германии за счет остальных стран.

Ждать, что большевики когда-нибудь станут умеренно демократичными, – пустое дело. Надеяться, что они согласятся на выборы Учредительного собрания, – это значит ожидать от них самоубийства. Так что ни мира, ни нормальной жизни в России не будет, пока большевики у власти. И нет никакого способа устранить их от власти мирным путем. Остается одно – сделать это силой. На это можно было бы возразить, что в течение последнего года это уже пытались сделать, но потерпели неудачу. Посмотрим теперь, как же так случилось.

НАЦИОНАЛЬНОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Обратившись теперь к национальному антибольшевистскому движению, во главе которого стоят, скажем, Колчак и Деникин, мы должны признать, что его достижения мало впечатляют.

- 3 Суда по всему, имеются в виду как армии приграничных государств, так и национальные вооруженные формирования, действовавшие в гражданскую войну на территории бывшей Российской империи.

Колчак потерпел полную неудачу; можно сказать, что он теперь совершенно утратил влияние на ситуацию. Положение Деникина очень ненадежно. Оба они не учли все той же инертности русского народа. Не в их пользу был экономический хаос. Наконец, они не обнаружили способности организовать что-либо и управлять. Будучи солдатами, они не сумели понять разницу между обычной войной и войной гражданской, когда главный враг находится не на фронте. Их опыт ничего не значил для борьбы с врагом в тылу, для чего нужны были административные и экономические методы. Их административное окружение не забыло ничего и ничему не научилось⁴. Оно оказалось совершенно не способно решать политические и социальные проблемы.

Ждать, что большевики когда-нибудь станут умеренно демократичными, – пустое дело. Надеяться, что они согласятся на выборы Учредительного собрания, – это значит ожидать от них самоубийства. Ни мира, ни нормальной жизни в России не будет, пока большевики у власти.

Но главная слабость Колчака и Деникина в том, что они совершенно не способны понять центробежные тенденции государств, окружающих Великороссию, и адаптироваться к вытекающей из этого новой политической реальности. Вопреки всему они попытались остановить эту тенденцию – и она их сокрушила.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА

В этих условиях разные приграничные государства, входившие ранее в Российскую империю, хотя им и угрожает большевистское вторжение, не только не поддерживают Колчака и Деникина против общего врага, но либо враждебны им – как, например, Грузия, – либо держат вооруженный нейтралитет, как Финляндия, либо пытаются вести с большевиками мирные переговоры, либо пытаются извлечь из этой ситуации пользу, приобретая территории, как Польша. Все они одинаково испы-

⁴ Отсылка к высказыванию французского адмирала де Пана о роялистах, питавших в годы Директории надежды на восстановление монархии: «Никто из них ничего не забыл и ничему не научился» (1796). Несколькими годами позже эту сентенцию ошибочно приписывали Наполеону Бонапарту. Фраза получила широкое хождение в годы реставрации Бурбонов.

тывают экономические и социальные трудности. Их существование не гарантировано. Все они боятся большевиков. Но еще больше боятся оказаться опять завоеванными реакционной Россией. Это тупик.

«САМАЯ СРОЧНАЯ ЗАДАЧА –
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ»...

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Экономический хаос в равной мере наносит ущерб большевикам, антибольшевикам и приграничным государствам. Утвердилось мнение, что причиной экономического хаоса была блокада и что снятие блокады не только восстановит нормальные экономические условия, но и будет лучшим способом борьбы с большевизмом. Это соображение совершенно неверно. Уже было сказано, что снятие блокады пойдет на пользу прежде всего Германии и откроет дверь большевистской пропаганде в Европе. Но это не все. Россия – самодостаточная страна. К тому же, хотя на юге России блокады нет, экономическое положение там не лучше, чем в центральной части страны. Хозяйственный хаос объясняется прежде всего тем, что большевики разрушили экономику, деморализовали трудящиеся классы (работников как ручного, так и умственного труда) и опустошили рынок. И все так и останется, если к власти не придет правительство, располагающее доверием народа.

НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ

Теперь мы перейдем к самой важной стороне российской проблемы. Это отношение Германии к России и ее огромная, хотя и почти полностью скрытая, роль во всех фазах российской проблемы. Излишне здесь напоминать о том, какую роль Германия играла в истории России и о ее экономическом доминировании в России; о том, как она покровительствовала большевикам и поддерживала их режим; о немецкой поддержке всех сепаратистских режимов, разрушавших единство России и подрывавших ее силу. Обо всем этом существует обильная и убедительная информация. Но еще важнее помнить, что Германия, проиграв войну, лишившись колоний, потеряв свои позиции мировой торговой державы, а также утратив возможность экспансии на восток через Балканы и вдоль Багдадской железной дороги, будет неизбежно искать пути экономического, территориального и, вероятно, военного реванша по линии наименьшего сопротивления, то есть в сторону России.

Чтобы достичь тут успеха, у ослабленной Германии есть только одно средство – интриги, но зато для них она распо-

лагают целой армией из сотен тысяч сознательных и бессознательных агентов, направляемых изощренным интеллектом сотрудников бывшего генерального штаба и дипломатической службы, а также сотрудников немецких банков – самых эффективных из них.

Германия поддерживает и поощряет большевистский режим, потому что он до конца разрушает российскую промышленность, потому что он может оказаться угрозой британскому господству в Индии, потому что он постоянно угрожает общественной безопасности в странах Альянса⁵, потому что он определенно разрушает национальный дух и способность к сопротивлению русского народа. За любой мирной инициативой большевиков скрывается Германия, которая жизненно заинтересована в том, чтобы не дать Альянсу разрушить дружественный ей режим большевиков. Трудно найти этому более красноречивое свидетельство, чем то, что самые радикальные сторонники германской ориентации среди большевиков Красин, Иоффе и Радек, включенные в состав советской делегации на мирной конференции в Дорпате [Тарту], были для этого освобождены из немецкой тюрьмы. Весьма показательно, что шашни Германии с большевистским режимом одобряет не только крайние социалистические левые в странах Альянса, но и зловещий спрут, именуемый «международным капиталом», чьи щупальца тянутся как в Нью-Йорк и Лондон, так и в Париж и Берлин. Воистину поразительное партнерство!

Каждая возможность (их за последний год было много) используется для того, чтобы подорвать престиж Альянса, особенно Британии, и загнать русских в лапы Германии. Реакционный дух насаждается среди определенной категории офицеров национальных армий, их уверяют, что только союз с Германией позволит восстановить монархию и вернуть Россию в руки землевладельцев. Немецкие интриги и пропаганда очень заметны в окружении Колчака и Деникина, и некоторые из их самых доверенных советников – сознательные или бессознательные инструменты немецкого влияния. Вполне очевидно, конечно, что Германия хочет усилить свое влияние не только на Россию; немецкие агенты так же активны среди русских и граждан приграничных с Россией государств, проживающих в странах Альянса и нейтральных странах, которые в свою очередь благоприятно реагируют на происки Германии в отношении политиков, финансистов и лидеров общественного мнения в этих странах.

Свое влияние в приграничных государствах Германия осуществляет с замечательной ловкостью и полностью достигает своей главной цели: не допустить никакого сотрудничества

5 Имеется в виду Антанта.

между ними. Для этого всячески разжигаются национальная рознь и территориальные конфликты между ними, а также их общее недоверие к российскому национальному движению.

На это можно возразить, указав, что при всей своей неустанной активности Германия не достигла заметных успехов, а самые смелые предприятия – например, фон дер Гольца и Бермондта⁶ – кончились полным крахом. Это, конечно, так, но следует помнить, что, пока Германия слаба, она озабочена только тем, чтобы эта зона оставалась полностью дезинтегрирована, с намерением добиться большего, когда сама Германия станет сильнее и придет время снимать жатву. Судя по жесткой позиции Германии в отношении требований Альянса и по тому, как упорно возникает вновь и вновь призрак милитаризма, это время приближается. Между тем немецкое влияние проникает повсюду, и его следует считать самым важным фактором российской ситуации.

Для любого, кто внимательно изучал российскую проблему, должно быть совершенно очевидно, что для умиротворения России первым делом надлежит устранить от власти большевиков. Этого можно добиться только силой, и, коль скоро ни о какой интервенции стран Альянса сейчас не может быть и речи, нужные для этого силы могут быть найдены только среди русских в приграничных государствах, то есть среди тех, кто больше всех заинтересован в скорейшем устранении большевистского правительства.

Теперь ясно, что армия Деникина не сможет достаточно быстро нанести большевикам военное поражение в одиночку и что для этого нужно военное взаимодействие Деникина и приграничных государств от Балтийского до Черного моря.

Но, поскольку такое взаимодействие будет возможно только после того, как будут улажены политические и территориальные разногласия между Деникиным и этими государствами, теперь предлагается план российско-межгосударственной конференции. Успех этой конференции будет зависеть от условий, которые следует рассмотреть подробно.

Прежде всего страны Альянса, и особенно британское и французское правительства, должны хорошо продумать, что

6 Граф Густав Адольф Иоахим Рюдигер фон дер Гольц (1865–1946) – немецкий офицер Первой мировой войны, сражался против русской армии в Прибалтике во главе германского ландвера. После 1917-го воевал против красных на стороне Карла Маннергейма в ходе гражданской войны в Финляндии, с большевиками на территории нынешней Латвии. В то же время стал противником провозгласившего независимость Латвии латышского национального правительства Карлиса Улманиса. В 1919-м смог даже захватить часть Риги, до того, как Антанта потребовала от Германии вывести немецкий ландвер из Прибалтики. Фон дер Гольц передал командование Павлу Бермондту-Авалову (1877–1973) – прогермански настроенному белому офицеру, который не подчинился приказу Юденича, пробивавшегося к Петрограду, и остался со своим корпусом в Латвии, выдавая себя там за «представителя русской государственной власти». Считается, что неудача похода Юденича была во многом результатом авантюры Бермондта-Авалова.

они собираются предложить, а пожалуй, даже навязать этой конференции. Британии придется защитить легитимные интересы России от Франции, готовой поддержать непомерные территориальные претензии Польши. Не менее трудной задачей Британии будет сдерживать шовинистические тенденции политических советников Деникина. И Россия, и сопредельные государства должны будут принять принцип федеративности, за исключением Финляндии и Польши, которые [получив независимость] должны будут войти в союзные отношения с Деникиным. Финляндия будет требовать себе Печенгу и Карелию; первую надо ей отдать, а вторую оставить в России, предоставив некоторые культурные права финскому населению. Военно-морские права России в Финском заливе должны быть сохранены, и она должна получить право на защиту Петрограда от угрозы по суше. Балтийские государства (Эстония, Латвия, Литва) должны получить полную автономию в составе федерации вместе с Россией. Федеральное правительство должно получить контроль над армией и флотом, таможней, валютой и иностранными делами.

Трудности с претензиями Польши на Западную Украину могут быть устранены в рамках конституции. Она может войти в федерацию как автономное государство со специальными гарантиями для польского меньшинства и культурными правами для украинцев. На Бессарабию может получить мандат Румыния с условием, что через 25 лет Бессарабия сама на референдуме будет решать, отойти ей к России или Румынии. На Кавказе нетрудно будет достичь соглашения между Деникиным и Азербайджаном. Полную независимость, вероятно, должна получить Грузия, но Батум должен остаться российским, и Грузия должна гарантировать нейтралитет в отношении Деникина. При таком варианте экономические обстоятельства рано или поздно вынудят Грузию вступить в Российскую федерацию. Армению пока следует оставить за рамками этого соглашения.

Поскольку нужно торопиться, конференция должна принять проект в самом общем виде и сохранить его гибкость. Она должна создать условия для дальнейшего устранения менее серьезных трудностей в дружественной обстановке.

Страны Альянса, и особенно Великобритания – которая со времени американских действий в отношении [Версальского] мирного договора, почти в одиночку несет бремя поддержания мира в Европе, – должны быть готовы к тому, что это соглашение придется навязать участникам конференции и если понадобится, то применить свое сильнейшее оружие – отказ от экономической помощи. С другой стороны, как только территориальные и политические проблемы будут решены и военный союз заключен, страны Альянса должны быть готовы

без промедления предоставить вооружения, запасы и фонды для скорейшего начала и продолжения военной кампании. Вероятно, при создании военного союза труднее всего будет добиться участия в переговорах нынешних польского и российского (Деникинское) правительств, и плохо видно, как искомое соглашение может быть достигнуто, пока нынешние лидеры, упорно проводящие шовинистическую политику, остаются у власти.

Возможная отставка Падеревского⁷ и его замена Билинским⁸, весьма чутким к польским реальностям, вероятно, помогли бы делу. Столь же, если не более, настоятельны серьезные перемены в правительстве Деникина. Здесь влияние таких шовинистов, как Драгомиров⁹, Лукомский¹⁰ и особенно Сазонов¹¹, делает любые попытки сближения с приграничными государствами безнадежным делом. Близорукий эгоизм все еще блокирует практично-компромиссное решение аграрного вопроса. Только британское правительство с его авторитетом сумеет убедительно разговаривать с теми, кто непосредственно сейчас решает российские дела и таким образом оказать моральное давление на правительство Деникина с целью произвести в нем персональные изменения. Добиться этих перемен и не допустить возврата к прежнему положению дел будет очень трудно, что нельзя упускать из виду.

Сейчас во всяком случае, когда разгромленная армия Колчака продолжает отступать, а его правительство дезорганизовано, все prerogatives, в свое время предоставленные ему, должны быть переданы Деникину, чья армия пока не потеряла поражения и остается единственной, способной сегодня выступать от имени национальной России. С приближением зимы военные действия, вероятно, затихнут, и во время этого затишья как раз можно будет проводить предложенные переговоры. Однако в виду того, что экономическое положение становится все более тяжелым на всех территориях, которых

- 7** Игнаций Ян Падеревский (1860–1941) – польский пианист и политический деятель, в 1919-м – премьер-министр и министр иностранных дел Польши.
- 8** Александр Билинский (1869–1922) – русский военный, с 1915-го – генерал-майор. Участвовал в гражданской войне на стороне белых, с 1920-го служил в польской армии.
- 9** Абрам Драгомиров (1868–1955) – русский военачальник, генерал от кавалерии, участник Первой мировой и гражданской войн. В 1918–1919-м был одним из руководителей Особого совещания при главкоме Вооруженных сил Юга России (ВСЮР).
- 10** Александр Лукомский (1868–1939) – русский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой и гражданской войн. Один из организаторов Добровольческой армии. Участвовал в заговоре генерала Корнилова в 1917 году, арестован, бежал на Дон. В 1918-м стал помощником Антона Деникина, был одним из руководителей Особого совещания при главкоме ВСЮР, с декабря 1919-го – глава правительства при главкоме ВСЮР.
- 11** Сергей Сазонов (1860–1927) – русский политический деятель, в 1910–1916-м – министр иностранных дел. В 1919-м был министром иностранных дел Всероссийского правительства Колчака и Деникина, участник Русского политического совещания, которое должно было представлять интересы антибольшевистского движения на Парижской мирной конференции.

касаются наши соображения, и в виду неопределенного состояния польской армии, которая имеет большое значение для будущего успеха, предложенное соглашение надлежит заключить срочно.

* * *

В первой части этого меморандума я указал на огромное значение немецкого влияния на российские дела. Было бы крайне неосторожно не учитывать это влияние, проводя предложенные переговоры и заключая предложенные соглашения.

Отношение Германии к выполнению обязательств, предусмотренных [Версальским] мирным договором, выглядит столь подозрительно, что никакие прямые переговоры с ней по поводу российских дел недопустимы, хотя бы только из-за того, что это возмутит общественное мнение во Франции. С другой стороны, у стран Альянса нет никаких способов прямо помешать вмешательству Германии в российские дела. Между тем необходимо отдавать себе отчет в том, что если не помешать интригам Германии в России и приграничных государствах, то либо предлагаемая международная конференция не достигнет никакого соглашения, либо соглашение будет достигнуто, но тут же начнет нарушаться.

Выйти из этого тупика можно только с помощью компромисса. По моему мнению, можно найти с Германией общий язык в отношении России в сфере экономики.

Делая это предложение, я исхожу из того, что главный стимул активности Германии в России, как и вообще всего ее сопротивления [Версальскому мирному договору], – это катастрофическое состояние ее экономики. Шибболеты «кайзеризм» и «милитаризм» применимы лишь к небольшому сегменту немецкого, или даже прусского, общества. Немецкий народ просто хочет мира и работы. Теперь взглянем на вдохновителей немецкой экономической политики, то есть крупных банкиров и промышленников. Именно они всегда стояли за планами экономического завоевания России и понимали необходимость приступить к этому немедленно вместо того, чтобы ждать всегда сомнительных результатов сложных политических комбинаций. В силу этого именно с ними следует найти взаимопонимание.

Для начала можно было бы вместе с немецкими банками поставить под контроль главные российские банки, которые, как известно каждому, кто имеет представление о российском бизнесе, сами всегда контролировали основную массу российского бизнеса, что плохо осознается в этой стране [Вели-

кобритании]. Вот почему, такие немецкие банки, как «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Дисконте гезельшафт», «Мендельсон и Ко.», «Блехредер и Ко.», то есть банки, всегда наиболее связанные с российским бизнесом, приобретают большие пакеты акций Российского банка. Центром немецкого влияния на российскую экономику всегда были российские банки. Через них с помощью ловких и тонких комбинаций и аффилиаций осуществлялось политическое и административное влияние в России под руководством различных органов германского правительства.

На практике это означает, что британско-германский, а еще лучше – британско-франко-германский, пул приобретет большой пакет акций Российского банка. Разумеется, крайне важно, чтобы Британия или Франция сохраняли в этом пуле полный контроль. Этого нетрудно будет добиться, прибегнув к помощи господина Чарлза [Карла] Ярошинского¹², который уже контролирует крупнейшие русские банки и чьи фонды могут быть материально консолидированы и увеличены, если он получит финансовую поддержку. Хорошо известны симпатии г-на Ярошинского к Альянсу и его патриотизм. Он неоднократно предлагал [странам Антанты] воспользоваться его влиянием и организационными возможностями в России. Здесь не место входить в технические детали. Этим должны заняться британские и французские финансисты, поддержанные их правительствами в предложенной комбинации. Также излишне здесь упоминать об огромной экономической выгоде, которая в сравнительно недалеком будущем из этой комбинации последует.

Чтобы обеспечить себе контроль над этим пулом, можно воспользоваться некоторыми статьями [Версальского] мирного договора, которые дают нам право получить часть репараций с Германии в иностранных ценных бумагах.

Если это условие будет выполнено и мы сохраним контроль над этим пулом, то первым непосредственным результатом будет полное устранение немецких банков от прямой и косвенной (через нейтральные страны) поддержки большевиков, что значительно ускорит их падение. А поскольку военные авантюры в Балтийских странах тоже финансируются лидерами немецкой тяжелой промышленности и банками, то и этот очаг смуты будет окончательно устранен. Все агенты Германии в России, приграничных странах и странах Альянса, несомненно, получают инструкции ослабить, изменить и вообще остановить свою активность. Германия займет более конструк-

12 Карл Ярошинский (1878–1929) – влиятельный до революции в Российской империи польский финансист и меценат, участвовал в организации финансирования Антантой антибольшевистских сил в годы гражданской войны.

тивную позицию, что скажется на реакционных партиях и милитаристских группировках.

Все это, конечно, не означает, что мы немедленно окажемся, так сказать, в райских кущах, но предложенная схема стимулирует создание более здоровой атмосферы, в которой шансы на успех межгосударственной конференции заметно возрастут.

Если мы не установим свой контроль над этим пулом, Германия еще долго сохранит преимущество благодаря лучшему знанию российских условий и бесконечно большому числу агентур в России. Поэтому наша первоочередная задача подготовить тысячи британских специалистов, способных заменить немцев в российских банках, промышленности, горных разработках и так далее. Предложения господина Ярошинского относительно этой фазы всего предприятия заслуживают самого внимательного рассмотрения.

Чтобы еще больше укрепить наш контроль над экономикой Германии, следует поддержать недавнюю тенденцию британских банкиров приобретать фонды в важных отраслях немецкой промышленности.

Предлагаемая схема неофициального взаимодействия британской и немецкой экономики имеет еще одно достоинство: она, несомненно, получит поддержку в Америке. Американский капитал в виду неустойчивых внутренних условий и необходимости держать на ходу огромную промышленность должен искать внешние рынки. Интерес американских финансистов и промышленников к российским рынкам хорошо заметен, и, поскольку в американских финансах силен немецкий элемент, Америка легко может воспользоваться возможностями, которые предоставит взаимодействие банкиров Германии и стран Альянса. Кстати, я хотел бы указать на то, что к этой комбинации с симпатией отнесутся и еврейские финансовые круги, а это может иметь весьма заметное влияние и на общее положение дел.

Предлагая наладить взаимопонимание с Германией, я не упускаю из виду, что эта идея может натолкнуться, особенно в нынешних обстоятельствах, на сопротивление в политических кругах Франции (финансовые круги, наоборот, не надо будет сильно уговаривать). Но я не считаю это препятствие непреодолимым, особенно если переговоры будут поручены правильным людям. Начать с того, что предлагаемый пул будет неофициальным и публика довольно долго не будет о нем ничего знать. Кроме того, французские политики – так же, как и мы, – понимают, что центр тяжести в Европе – это Германия, что ее экономические ожидания придется как-то удовлетворять, что надо создать условия, в которых немецкий народ снова сможет работать. Нормальная жизнь в России тоже должна

быть восстановлена даже ценой значительных компромиссов, и от скорости, с которой это все произойдет, в большой мере зависит общественное спокойствие и экономическое процветание самой Франции. Эти соображения вместе с твердым намерением соблюдать условия [Версальского] мирного договора, особенно те, от которых зависит военная безопасность Франции и восстановление опустошенных войной территорий, помогут государственным деятелям Франции увидеть экономическое взаимопонимание с Германией в правильном свете. Что же касается французских финансовых кругов, то, чтобы сделать предлагаемую схему более для них привлекательной, думаю, было бы полезно прибегнуть к посредничеству г-на Ярошинского, который пользуется среди них большим влиянием, или какого-либо американского финансиста.

* * *

Теперь я суммирую все, что было изложено в этом меморандуме:

- (1) Нужно устранить большевистское правительство силой, коль скоро других способов сделать это не видно.
- (2) Необходимые силы для этого должны обеспечить русская национальная армия вместе с армиями Финляндии, Польши и приграничных государств.
- (3) Чтобы добиться их сотрудничества, надо решить территориальные и другие проблемы, существующие между ними.
- (4) Для того чтобы такое соглашение удалось и продержалось долго, необходимы следующие условия:
 - (а) соглашение между правительствами Альянса о том, чего они хотят добиться на межгосударственной конференции;
 - (б) готовность правительств Альянса навязать конференции необходимые решения, используя, если понадобится, экономическое давление, и в то же время предоставить всем участникам необходимую помощь, если они примут требуемые от них решения;
 - (в) произвести некоторые персональные перемены в польском правительстве и правительстве Деникина.
- (5) [Требуется] устранить вредное влияние Германии, добившись взаимопонимания с ней в сфере экономики. Для этого необходимо:
 - (а) добиться от Франции не препятствовать этому взаимопониманию или присоединиться к нему;
 - (б) обратиться к группе британских финансистов с тем, чтобы они взяли на себя инициативу создания спе-

циального пула для контроля над фондами Российского банка;

- (в) принять все меры (некоторые были названы здесь), чтобы сохранить контроль над этим пулом в руках Британии или Британии–Франции.

Если предложенная программа будет принята, то, насколько можно предвидеть, удастся быстро ликвидировать большевистский режим. Было бы, однако, слишком оптимистично думать, что нормальная жизнь в России сразу за этим быстро восстановится. Для этого еще понадобятся два кардинальных условия. Одно экономическое и другое – политическое.

I. Нет никакой надежды прекратить экономический хаос в России без самой энергичной помощи извне. Дезорганизация транспорта и обесценение валюты делают и бартерный обмен, и торговлю в любой форме совершенно непрактичным делом. Поэтому нельзя ждать какой-либо ощутимой пользы от частного предпринимательства. Единственное реальное решение – это торговые кредиты российскому правительству, контроль над экспортом и импортом, распределение импортных товаров среди населения и сбор экспортных товаров посредником, одобренным банками и кооперативами. Если страны Альянса хотят, чтобы порядок в России был восстановлен и она стала бы фактором процветания в Европе, они должны предоставить российскому правительству значительные торговые кредиты, а чтобы они достигли желаемой цели, их должна контролировать специальная комиссия стран Альянса.

II. Единственное средство стабилизировать экономические и общественные условия в России после устранения большевистского режима – немедленно созвать Учредительное собрание. Нужно отказаться от предлагавшегося плана военной диктатуры на переходный период на основании слишком неустойчивой ситуации в России и необходимости быстро урегулировать отношения с приграничными государствами. Выборы в Учредительное собрание должны быть проведены на самой широкой демократической основе. Они должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными. Только такие выборы приемлемы для всех политических течений в России и приграничных государствах. Исход этих выборов, разумеется, заранее не известен, но, по моему мнению, подавляющее большинство проголосует за восстановление монархии. Русский крестьянин не может себе представить никакого другого порядка, кроме порядка во главе с царем. Русскому крестьянину нужен господин. Для него Ленин, Троцкий, Деникин, Колчак – все в равной мере незаконные временные узурпаторы – в лучшем случае правители, и он никогда не смирится с такой властью. Единственный естествен-

ный господин для него – царь, и только он. Восстановление монархии тем более вероятно, что во время выборов скажется сильное влияние церкви. Этот фактор недостаточно оценен.

Хотя и преследуемая при большевиках, а отчасти, именно благодаря этому, церковь значительно укрепилась духом, и ее влияние на народное сознание возросло. Церковь лучше понимает, чего хочет русский крестьянин, чем политические партии, чье влияние сильно преувеличено, и она, несомненно, употребит весь свой авторитет в пользу восстановления монархии.

«САМАЯ СРОЧНАЯ ЗАДАЧА –
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ»...

**Русский крестьянин не может себе представить
никакого другого порядка, кроме порядка во
главе с царем. Русскому крестьянину нужен
господин. Для него Ленин, Троцкий, Деникин,
Колчак – в лучшем случае правители, и он никогда
не смирится с такой властью. Единственный
естественный господин для него – царь, и только он.**

Нужно выполнить четыре предварительных условия, а именно: передать землю крестьянам, предложить федерацию на основе самой широкой автономии приграничным государствам, предоставить равные права евреям и обеспечить конституционность правительства. И тогда дело монархии можно считать выигранным. А если в семье Романовых найдется подходящий человек, он станет лучшим гарантом устойчивого порядка и мира в России.

От нынешней стратегии стран Альянса зависит, станет ли новая Россия сильным партнером в политическом устройстве Европы на основе мира и демократии или превратится в бюрократически-авторитарное государство во главе с большевиками или монархией и станет вассалом Германии, которую собственная экономическая разруха подтолкнет к авантюрам, подрывающим мир.

Перевод с английского Александра Кустарева

Послесловие

Письмо Зигмунта Розенблюма, более известного по его английским документам как Сидней Рейли, Уинстону Черчиллю – если его адекватно контекстуализировать – чрезвычайно интересно.

Начнем с автора. Розенблюм-Рейли в соавторстве с ЧК и при посредничестве английских и советских литераторов-сенсационалистов изобразил себя выдающимся героем международного шпионажа. Вышла полная чепуха. Рейли был коммерческим аферистом, иногда успешным, иногда нет, но всегда смелым и изобретательным. Этого, однако, ему было мало. Он ощущал в себе большой политический талант и с полным основанием полагал, что понимает политическую обстановку в Европе намного глубже, чем те, кто тогда ею управлял. Непредвзятого и в меру осведомленного читателя его письмо Черчиллю, несомненно, убедит в том, что это так.

Несчастье было в том, что с его «анкетой» Розенблюму невозможно было проникнуть в те сферы, где делалась большая политика. Единственным доступным для него каналом вертикальной мобильности оказалась революция. Многие видные большевики были птицами того же рода и полета. К ним он и должен был примкнуть, но его биография отчасти роковым, а отчасти случайным образом повернулась иначе, и Розенблюм-Рейли остался не у дел. Впрочем, он вряд ли стал бы успешным политиком в более благоприятной социальной среде. Вынужденное аутсайдерство сделало его особенно пронизательным наблюдателем и эффективным интерпретатором фактуры, на которую он не мог повлиять. Таких наблюдателей немало, и их соображения, если они были зафиксированы (мемуары, дневники, письма), особенно интересны для более поздних исследователей; в некоторых отношениях даже более интересны, чем комментарии самих участников процесса, поскольку нередко оказываются набросками теоретических схем.

Соображения Рейли, изложенные в письме к Черчиллю, спровоцированы также характером его адресата. Он правильно вычислил, что более естественного читателя для своего послания ему не найти. Черчилль принадлежал к фракции руководства либеральной партии, известной как «либерал-империалисты». Она в то время была в меньшинстве и к концу войны вообще развалилась. Одновременно разваливалась и сама либеральная партия. Большая ее часть чуть позже перешла к лейбористам. А Черчиллю еще предстояло обустроиться в консервативной партии, где он отнюдь не был изначально своим. Это – хоть и не столь роковое – аутсайдерство

чисто характерологически сближало Рейли и Черчилля, и Рейли это почувствовал.

Их также сближала врожденная и усиленная аутсайдерством склонность к авантюрам. В эпоху, когда на войну уже начинали смотреть как на неприятный атавизм и самое крайнее средство решения конфликтов, Черчилль продолжал относиться к войне как к естественному и неизбежному феномену. Черчилль любил войну, что не просто замечает, но много раз повторяет, хорошо его знавшая очень авторитетная наблюдательница Марго Асквит¹³. Он всегда был готов воевать и поэтому не боялся острых конфронтаций.

Хотя это обстоятельство не стоит недооценивать, у Розенблюма-Рейли были менее тривиальные и более серьезные основания делать ставку на Черчилля. Militarизм Черчилля коррелировал с его восприятием Германии. Он видел в ней не партнера по разделу мира, как представлял (и настойчиво изображал) Берлин со времен Бисмарка, а претендента на мировое господство и мечтал о его устранении. Германия была для него Карфагеном, который должен быть разрушен. «Германская угроза» была манией британского Министерства иностранных дел под руководством Эдварда Грея¹⁴, но после окончания войны и его отставки Форин-офис перестал быть очагом германофобии; такие настроения в Лондоне вообще сильно ослабли. Черчилль, ставший перед войной военным министром и увлекшийся своей миссией¹⁵ в реакции (кстати, неоправданно панической) на попытку Германии добиться военно-морского паритета с Великобританией (так называемый «план Тирпица»¹⁶),

«САМАЯ СРОЧНАЯ ЗАДАЧА –
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ»...

13 Brock E., Brock M. (Eds.). *Margot Asquith Great War Diary. The View from Downing Street*. Oxford: Oxford University Press, 2014. См. рецензию на эту книгу в «НЗ» (2015. № 1(99). С. 308–314) (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/99_nz_1_2015/article/11319/).

14 Эдвард Грей (1862–1933) – британский политический деятель, в 1892–1895-м – заместитель министра иностранных дел, в 1905–1916-м – министр иностранных дел. При нем был подписан договор с Россией (1907) о разделе сфер влияния на Среднем Востоке. Соглашение устранило британско-российские противоречия, которые были препятствием на пути окончательного оформления Антанты. В ходе Агадирского кризиса (1911) занял антигерманскую позицию; в 1914-м настаивал на вступлении в войну против Германии после нападения последней на Бельгию.

15 Вот что доносил в Берлин октябре 1911 года военно-морской атташе Германии: во время Агадирского кризиса Великобритания с нетерпением ждала, что Франция нападет на Германию, чтобы присоединиться к ней, и эта опасность увеличилась, когда военным министром стал «бессовестный, амбициозный и непредсказуемый демагог Уинстон Черчилль» (Clark S. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin Books, 2013. P. 220–221). Агадирский кризис был одним из серьезных международных кризисов, «открывших дорогу» Первой мировой войне. В 1911 году Франция направила войска «для защиты своих граждан» в марокканский город Фес. В ответ Германия послала канонерскую лодку «Пантера» в марокканский город Агадир, потребовав для себя компенсацию за французскую оккупацию Марокко. Кризис завершился франко-германским соглашением; Франция получила протекторат над Марокко, передав Германии некоторые свои территории в Конго.

16 Программа ускоренного военно-морского вооружения Германии для достижения паритета в этой сфере с Великобританией, принятая по настоянию контр-адмирала Альфреда фон Тирпица (1849–1930) на рубеже XIX–XX веков. К началу Первой мировой войны флот Германии был вторым в мире после британского по численности и боевой мощи.

стал после войны наиболее заметным лидером антигерманистов в парламенте. В этом контексте самым опасным поворотом ему должно было представляться сближение Германии и России – равноправное или неравноправное, не столь важно, – потому что совместный потенциал этого тандема превращал бы его в реальную сверхдержаву, воевать с которой было бы невозможно.

Этой перспективой Рейли и пытается запугать Черчилля – и таким образом заинтересовать его своим проектом. Он объясняет, что после Версальского мира российско-германское слияние попросту неизбежно и лучшее, что можно было бы сделать, – это поставить его с самого начала под контроль, пока оба участника этой комбинации еще остаются ослабленными. И делать это надо по инициативе Лондона и при поддержке Парижа и Вашингтона.

Можно сколько угодно указывать на очевидные и колоссальные помехи на пути к интеграции Германии и России в том или ином формате, но у этой тенденции сильная геополитическая логика. Она породила развивавшийся в Германии так называемый *Ostforschung* – расширенный до России проект *Mitteleuropa*, куда входили западные осколки Российской империи: государства, созданные Версальским миром. Историческая фактура здесь выглядит интригующе. Некоторые движения в этом направлении отмечались в середине 1890-х и в 1910 году¹⁷ – это на фоне общей тенденции к сползанию к войне между ними. Затем, как и заметил Рейли (раньше всех аутсайдеров), быстро стали сближаться Веймарская и Октябрьская республики. Наконец, после некоторого перерыва из-за антикоммунистического переворота в Германии и Мюнхенского сговора был заключен панический пакт Сталина с Гитлером. На этой же траектории находилась и слабая попытка Сталина сбалансировать ситуацию в Германии после 1945 года; на ней же лежат «сдача» ГДР в 1989 году и нынешняя газопроводная сделка, столь нежелательная для Вашингтона. Если мысленно экстраполировать эту геополитическую тенденцию, то на горизонте видится что-то вроде «Восточного Евросоюза». До сих пор эта тенденция деформировалась и подавлялась неблагоприятными для нее обстоятельствами и событиями, но она не исчезает и рано или поздно должна опять как-то себя обнаружить – хотя трудно сказать, какие реальные события к этому поведут и какой конфигурацией европространства все это может обернуться. Пока же она в тени «Западного Евросоюза», одним из столпов которого является Германия, и это, по-видимому, навсегда блокирует тенденцию к совместному

17 На рубеже веков Германия в основном делала ставку на усиление трений между Великобританией и Россией (CLARK Сн. *Op. cit.* P. 151).

участию Германии и России в отдельном от Западной Европы интегративном модуле (что открывает перед Россией другие перспективы, которые здесь не место обсуждать).

Стоит заметить, что интегративный модуль с участием осколков СССР нельзя считать похороненным, и если так, то другой проект Рейли оказывается его предварительным наброском. Этот проект – трансформация Российской империи в федерацию.

Тенденция к федерализации империй лучше всего была осознана в Австро-Венгрии, и, судя по всему, этот проект сорвался исключительно в результате топорного Версальского мира. Панъевропейством вдохновлялись Бриан¹⁸ и Штреземан¹⁹, а граф Коуденхове-Калерги²⁰ (продукт венской предвоенной атмосферы) упорно создавал панъевропейское движение. Федерализм в постреволюционной России сильно зависел от разработок венского проекта в его социал-демократической редакции. Белое движение было к этой идее совершенно нечувствительно, а вот большевики как раз оказались способны ее подхватить. Сейчас, по-видимому, очень мало известно о реальных федералистских практиках (экспериментах) в СССР в 1920-е и невозможно судить о том, какова была эта перспектива, если бы ее не пресек гротескный унитаризм сталинской клики. Старый проект взывал к возрождению. Как известно, в ходе перестройки в штабе Михаила Горбачева был подготовлен новый федеративный договор. Федерация сорвалась опять, на этот раз в пользу демонтажа СССР – столь же бездумной и гротескной операции, как и переход к сталинскому унитаризму *de facto* в начале 1930-х. В какой-то момент – как и предлагал Розенблюм-Рейли – на повестке дня может оказаться проблема конструктивной реконфигурации постсоветского пространства.

Наконец, в письме Розенблюма-Рейли заслуживает внимания еще одно, менее заметное, место. Он советует как можно быстрее восстановить экономический потенциал Германии и

«САМАЯ СРОЧНАЯ ЗАДАЧА –
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ»...

- 18** Аристид Бриан (1862–1932) – французский политический деятель, в разные периоды премьер-министр и министр иностранных дел. Странник установления в Европе после Первой мировой войны устойчивого мира, который предусматривал бы гарантии новых границ на континенте, подкрепленные рядом комплексных юридических, политических и экономических мер. В 1925 году подписал с германским министром иностранных дел Густавом Штреземаном Локарнский договор. В 1926-м Бриан и Штреземан получили за это соглашение Нобелевскую премию мира. В 1928-м подписал с госсекретарем США Фрэнком Келлогом пакт, ставящий войну в качестве способа решения конфликтов вне закона. К «пакту Бриана-Келлога» присоединились более 60 стран мира, в том числе и СССР. Этот документ предполагал создание системы коллективной безопасности.
- 19** Густав Штреземан (1872–1929) – немецкий политик, в 1920-е занимал посты рейхсканцлера и министра иностранных дел Веймарской республики, убежденный либерал и сторонник мира на западных границах Германии. Был враждебно настроен к Польше и даже строил планы антипольского союза с СССР.
- 20** Рихард Николаус фон Коуденхове-Калерги (1894–1972) – литератор, общественный и политический деятель. Происходил из австро-венгерской аристократии, после Первой мировой жил в Чехословакии, Швейцарии, Франции, США. Один из первых идеологов европейской интеграции, основатель так называемого «Панъевропейского союза». Именно Коуденхове-Калерги предложил сделать «Оду к радости» Бетховена гимном Европейского союза.

России. Эта мысль была тогда совершенно непостижима для обыденного геополитического сознания держав-победителей. В 1919 году так думал, пожалуй, только Джон Мейнард Кейнс²¹. Даже если Рейли успел прочесть его работу «Экономические последствия мира» (письмо Черчиллю датируется 5 декабря 1919 года) и был знаком с его критикой Версальского мира, совпадение с Кейнсом значит немало. В тот момент это было неортодоксальное, но, как оказалось в дальнейшем, в высшей степени инструментальное представление о существовании международных экономических отношений. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1924 году (план Дауэса²²), а в 1945-м он уже был положен в основу плана Маршалла.

Нетрудно заметить, что, предлагая Лондону (в лице Черчилля) стратегию в отношении российской Октябрьской республики, Розенблюм-Рейли предусматривает в ней ключевое место для самого себя (вместе со своим тогдашним партнером Карлом Ярошинским). Типично для крайнего эгоцентриста, каким он, несомненно, был. Не будь у него собственного интереса в русской революции, он не стал бы так суетиться. В попытках Розенблюма-Рейли оказаться на гребне всемирно-исторического процесса и повлиять на него можно легко увидеть смесь мегаломании и инфантилизма. Но не стоит из-за этого игнорировать проделанный им анализ геополитической ситуации в Европе после Первой мировой войны и русской революции. Ведь за всеми глубокими наблюдениями и идеями почти всегда обнаруживаются самые вздорные мотивы. Игнорировать нужно эти мотивы, но не сами идеи. Розенблюм-Рейли сто лет назад нащупал проблему России и определил саму Россию как проблему. Россия не вписывается ни в какие интегративные модули. На нынешней ступени глобализации это может угрожать ее существованию как отдельного геополитического модуля. **[Александр Кустарев]**

- 21** Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) – британский экономист, сторонник активного участия государства в хозяйственной жизни страны посредством мер налоговой и денежно-кредитной политики. Участвовал в Парижской мирной конференции, предложил свой план восстановления европейских экономик и удовлетворения взаимных претензий участников войны, который не был принят. Написал брошюру «Экономические последствия мира» (1919), где выступил против наложения на Германию непосильных репараций.
- 22** После провала первоначального плана взимания контрибуций с Германии после Первой мировой войны в 1924 году был принят новый репарационный план, составленный американским политиком и предпринимателем Чарльзом Дауэсом (1865–1951). Способствовал восстановлению немецкой экономики.